Марина
СЕРОВА

Каталог проклятых страниц



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова

Каталог проклятых страниц

«Эксмо»
2027

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Каталог проклятых страниц / М. С. Серова — «Эксмо», 2027 — (Русский бестселлер)

ISBN 978-5-04-252786-9

Частный детектив Татьяна Иванова получает необычный заказ от сотрудницы отдела редких книг. Незадолго до своей загадочной смерти главный реставратор старинных рукописей успел оставить странное предупреждение: «Он уже здесь». За этим посланием скрываются древний фолиант, спрятанный зеленый конверт, тайный каталог и загадочная фигура, известная лишь под именем Корректор. Расследование приводит Иванову в мир закрытых библиотечных фондов, редких манускриптов, коллекционеров, готовых на всё ради обладания запретными знаниями, и людей, для которых текст становится оружием. Чем глубже она погружается в историю «Каталога проклятых страниц», тем очевиднее, что кто-то тщательно стирает следы прошлого, превращая каждую смерть в часть идеально выстроенного сценария. Марина Серова — феномен современного отечественного детективного жанра. Выпускница юрфака МГУ, работала в Генеральной прокуратуре. Участвовала в оперативных мероприятиях. Автор ряда остросюжетных повестей, суммарный тираж которых превышает двадцать миллионов экземпляров.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-252786-9

© Серова М. С., 2027
© Эксмо, 2027

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 16
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марина Сергеевна Серова
Каталог проклятых страниц

* * *

© Серова М.С., 2027
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2027

Глава 1
Живая строчка

Волжский город Тарасов растворялся в ноябрьском утре, которое было даже не временем суток, а особой формой бытия – вязкой, аморфной и безнадежно серой. За окном царила не погода, а физическая субстанция. Воздух, плотный и непрозрачный, казался сотканным из мельчайших частиц: ледяной речной испарины и едкого, печального дыма, который выдыхал в небо спящий город. Эта взвесь висела, неподвижная и влажная, застилая панораму домов, похожих на размытые акварельные пятна. Сквозь нее свет уличных фонарей, еще не погасших, рассеивался в желтых, бесформенных ореолах, не способных осветить даже тротуар под собой.

Все было приглушено, обернуто в вату. Звук автомобильных шин по мокрому асфальту превращался в протяжное, сиплое шуршание. Редкие голоса прохожих терялись, не долетая до окон второго этажа. Даже привычный бой часов на колокольне – металлический, ясный, – пробивался сквозь эту хмарь глухо и утробно, будто доносился не с высоты, а из-под земли. По стеклам тонкими, извилистыми ручейками струилась влага, конденсат – холодный пот самого утра. Мир за окном казался не просто затуманенным, а выцветшим, лишенным перспективы, словно кто-то взял кисть и тщательно заретушировал все контуры, оставив только оттенки свинца, мыльной воды и золы. Это была погода, в которой тонули не только дали, но и мысли, и сама воля к движению.

В этой давящей тишине «конспиративная» квартира, доставшаяся по наследству от бабки, была не клеткой, а скорее коконом – странным, но обжитым пространством, где приметы старины не давили, а служили фоном для четко организованной жизни. Это была просторная, почти пустынная комната в старом доме с высокими потолками и панорамным окном, которое сегодня было серым прямоугольником тумана.

Старость здесь оставалась в архитектуре: в дубовых, потемневших от времени панелях на стенах, в лепном карнизе под потолком, в котором притаилась паутина, в массивных, никогда не закрывающихся на ключ дверях. Но я вложила в это пространство деньги и здравый смысл. Главным приобретением был большой рабочий остров у окна: широкий стол-трансформер из светлого бука, на котором царил образцовый порядок. Современный ноутбук, беспроводная зарядка, стильный органайзер для ручек и диктофонов, стопка чистых блокнотов. Рядом, на отдельной тележке, стояла моя гордость – профессиональная кофейная станция с ручной кофемолкой, эспрессо-машиной и баночками с отборными зернами. Пустая фарфоровая чашка, стоявшая сейчас рядом со мной, была частью дорогого японского сервиза, а не случайным осколком прошлого.

Вдоль дальней стены все так же тянулись бабушкины архивные стеллажи, но они больше не производили впечатления хаотичного склада. Коробки были аккуратно рассортированы, пронумерованы и накрыты льняной тканью, превратившись в абстрактный текстурный элемент интерьера. Напротив, у другой стены, стоял глубокий и мягкий диван-кровать в темно-сером чехле, заваленный десятком подушек и укрытый пледом из тонкой шерсти, – островок для размышлений вдали от стола.

Я установила современные светильники с теплым светом: торшер у дивана, точечную подсветку над столом. На полу лежал не потрепанный ковер, а большой плотный ковер-пазл с абстрактным геометрическим рисунком, гасящий шаги. Даже массивную чугунную батарею не стала прятать, а выкрасила в матовый черный цвет, превратив в дизайнерский объект.

Воздух пах иначе: не пылью и газом, а дорогими зернами, воском для дерева с оттенком бергамота и легкой, почти неуловимой нотой моих духов – что-то свежее, с хвойной основой. Это была моя крепость. Профессиональный инструментарий. И именно поэтому вид един-

ственной нерешенной проблемы – зияющей трещины в штукатурке над дверью, до которой все не доходили руки, – раздражал особенно сильно. Я смотрела на этот чужой, неподконтрольный изъян в идеально организованном мире и снова принималась подсчитывать ресурсы, чувствуя, как под слоем комфорта и контроля копошится тот самый липкий, финансово мотивированный червь тоски.

Тишину разорвала пронзительная двухзвонковая трель телефона, лежавшего на диване. Я вздрогнула, не от неожиданности, а от резкости звука в этой гнетущей тишине, и отвела взгляд от трещины. Медленно поднялась, костяшками пальцев провела по вискам и, не торопясь, пересекла комнату, давая звонку набрать три гудка для солидности, и сняла трубку.

– Иванова, – произнесла я в трубку, и собственный голос показался мне сиплым от безмолвия.

В ответ – не голос, а звук. Сначала – резкий, неровный вдох, будто человек на другом конце линии только что перестал плакать или, наоборот, вот-вот заплачет. Потом шепот, такой тихий и дрожащий, что я непроизвольно прижала трубку плотнее к уху.

– Это… детектив? Мне… мне дали ваш номер. Сказали, вы… вы разбираетесь в… в странных делах. В которых не все очевидно.

Голос был женским, на грани срыва, но за этой паникой, словно стальная струна в разболтанном инструменте, звенящая внутри, я уловила то самое чувство, присущее большинству моих клиентов, – неподдельный, чистый ужас. Не бытовую истерику, не притворство, а настоящий, леденящий животный страх. Его не сыграть. Его можно только переживать. В пальцах, сжимавших трубку, появилась легкая дрожь – не от страха, а от внезапного, острого профессионального интереса, пронзившего скуку, как игла.

– Частный детектив Татьяна Иванова, да, – подтвердила я нарочито медленно и спокойно. – Я разбираюсь. Что случилось? – мой голос стал ровнее, тверже. В нем появилась та самая нота, которую клиенты бессознательно ищут, – контроль, способный обуздать их хаос.

– Встреча… Нужна встреча. Срочно. Сегодня. Только, умоляю, не в офисе… и не у меня дома. Где-нибудь, где никто нас не узнает.

Я закрыла глаза на секунду и быстро прикинула стоимость аренды этой квартиры, цену на любимые кофейные зерна и абсолютную пустоту в рабочем графике. И сделала то, что делает любой уважающий себя специалист в условиях рыночной экономики и тотальной скуки, – подняла ставку.

– Встреча возможна. Мой стандартный гонорар, – сказала я, намеренно сделав паузу. – Плюс оперативные расходы. В данном случае, учитывая срочность и необходимость в особой конфиденциальности… работа будет стоить дороже. Предоплата за два дня. Наличными.

Я приготовилась к возражениям, к попыткам торга, к возможному хлопку трубки. Но в ответ услышала лишь еще один прерывистый вдох и почти беззвучное:

– Хорошо. Согласна. У меня есть… У меня есть деньги. Лариса. Меня зовут Лариса Новикова. Где вам удобно?

Безропотно. Без единого вопроса. Это было важнее любой предоплаты. Страх этой женщины был дороже денег, и она, Лариса Новикова, готова была платить по любому тарифу, лишь бы разделить этот страх с кем-то еще.

– Через полтора часа, – четко продиктовала я адрес кофейни «У Роберта» – крошечное полуподвальное помещение в переулке у самой реки, куда заходят только свои, – место практически безлюдное, с хорошим обзором и двумя выходами. – Будьте одеты неброско. Не пользуйтесь такси. Если почувствуете слежку – проходите мимо и садитесь в дальний угол, спиной к входу.

– Хорошо… – выдохнула она. – На мне будет зеленый шелковый шарф.

– Договорились.

Положив трубку, я еще какое-то время стояла, прислушиваясь к гулу в ушах, сменившему тишину. Серое утро за окном внезапно обрело перспективу. Оно все еще было мерзким, но теперь в нем появилась цель, а вместе с ней – и привкус, уже не только кофейной горечи, но и чего-то острого, металлического. Привкус настоящего дела. Я вернулась к столу, отпила из чашки холодной кофейной гущи, скривилась и потянулась к черной деревянной коробке. Прежде чем идти на встречу с чьим-то ужасом, нужно было спросить совета у костей. Я встряхнула ладонь и бросила кости на столешницу. Они поскакали, как костяные кузнечики, издав сухой, четкий стук, и замерли.

Гадательные кости – мои давние помощники. Три двенадцатигранника, на каждом – цифры, в общей сложности от 1 до 36.

11… 18… 27.

Я прищурилась. Память услужливо подсунула нужную страницу из ментального каталога.

«Кто-то готовится сделать вам выгодное предложение».

– Отлично, – выдохнула я. Теперь можно было начать собираться на встречу, которая предвещала прибыль моему почти опустевшему кошельку.

Я отпила последний холодный глоток из чашки, отодвинула ее и встала. Рабочий день, пусть и начинающийся со звонка от испуганной женщины, диктовал свой дресс-код. Моя «конспиративная» квартира была лишена гардеробной, но у стены, рядом с диваном, стоял узкий, высокий шкаф из темного дерева. В нем не было платьев для коктейлей или уютных домашних свитеров. Только рабочая униформа.

Я открыла дверцу. Внутри царил строгий порядок, распределенный по полкам и вешалкам: несколько пар идентичных темных джинсов прямого кроя, черные и темно-серые водолазки из тонкой, немнущейся шерсти, рубашки-поло, несколько свитеров с высоким горлом, пара строгих блейзеров. Одеваясь, я действовала на автомате, выбрав плотно облегающую водолазку, не стесняющую движений, и джинсы, которые заправила в высокие, удобные ботинки на толстой, нескользящей подошве.

Затем я подошла к небольшому зеркалу в раме, висящему над комодом. Мое отражение – бледное от бессонной ночи и тусклого света – требовало минимальной коррекции. Макияж в моей работе – это не украшение, а камуфляж и оружие. Нужно было выглядеть максимально обыденно.

Я взяла тональную основу легкого покрытия и едва заметным слоем выровняла тон лица, скрыв синеву под глазами. Никакого румянца. Рассыпчатая пудра зафиксировала все и убрала лишний блеск. Брови я лишь слегка подчеркнула гелем. На веки – микродозу бежевых матовых теней, просто чтобы замаскировать припухлость. Ресницы покрыла одним слоем туши, не делая их «кукольными». Губы – бесцветным бальзамом с легким блеском. Весь процесс занял минуты три. В итоге из зеркала смотрела на меня не красавица, а просто уставшая, но собранная молодая женщина с правильными, но ничем не примечательными чертами лица. Та, на которую в толпе не обернутся.

Накинув короткую зимнюю куртку, я вернулась к столу за инструментами. Смартфон ушел во внутренний карман. В один наружный – миниатюрный диктофон. В другой – гадальные кости (старая привычка и талисман).

Пистолет – мой служебный «Макарыч» – остался в потайном сейфе, встроенном в старую батарею. В такую погоду, да и на первую встречу с дрожащей от страха женщиной, железо под мышкой было бы слишком театрально и глупо. Я предпочитала другие аргументы.

Я потянула капюшон куртки, но не надела его, лишь поправила волосы – длинную, прямую блондинистую прядь убрала за ухо. Взглянула в зеркало последний раз. Идеально. Ничего лишнего. Ничто не выдавало во мне частного детектива, кроме, возможно, слишком внимательного, чуть изучающего взгляда зеленых глаз. Но это уже не исправить.

Я выключила свет, и комната снова погрузилась в полумрак, теперь уже пустая и молчаливая. Ключи – один обычный, другой электронный – зажала в кулаке. Вдохнула запах квартиры: кофе, дерево, бергамот – и вышла, мягко прикрыв за собой тяжелую дверь. Я была готова слиться с этим серым ноябрьским утром и с толпой, которая в нем тонула.

Спускаясь, я перебирала в голове банальные варианты: муж-деспот, шантаж, кража бриллиантов бабушки…

Но где-то глубоко внутри, под слоем профессионального цинизма, екнуло то самое предчувствие. Оно подсказывало, что в этот раз бриллианты будут в лучшем случае бутафорскими. А вот тайны окажутся очень даже настоящими. И уж точно серьезными.

Кофейня «У Роберта» пряталась в полуподвале старого купеческого особняка, выходившего фасадом на тихую, почти пустынную площадь у реки. Помещение было не просто малопроходимым – оно было забытым. Это было место-убежище: низкие сводчатые потолки, кирпичные стены, тонущие в полумраке, и густой сладковатый запах старого кофе, впитавшегося в дерево столов и кожу диванов. Тишину нарушали лишь бульканье старой эспрессо-машины за стойкой и тихая джазовая пластинка, поставленная барменом-философом явно для себя самого. Этот полумрак и акустика делали заведение идеальным для исповеди.

Я пришла раньше и заняла столик в самом дальнем углу, спиной к теплой, шершавой кирпичной кладке, с идеальным обзором на единственный вход и запасной выход, обозначенный скромной табличкой «Выход». Заказала двойной эспрессо, зная, что он здесь будет так себе, но ритуал был важнее качества. Я только сделала первый глоток, когда дверь открылась, впустив клубок холодного, влажного воздуха.

На пороге замерла женщина. Именно замерла, будто пересиливая желание бежать. Я сразу поняла – это Лариса. Слишком характерный голос у нее был – ломкий, неуверенный. И внешность соответствовала: худая, почти прозрачная. На ней был длинный, бесформенный плащ болотного цвета, явно не по размеру, и тусклый темно-зеленый шарф, несколько раз обмотанный вокруг шеи. Но больше всего запоминалось лицо: не просто бледное, а фарфорово-белое, с синеватыми прожилками у висков и тончайшей сеточкой морщинок у глаз, которые казались неестественно большими за стеклами очков в роговой оправе. Оправа была старомодная, добротная, но одна дужка аккуратно подклеена у основания бежевым пластырем – деталь, кричащая о привычке к экономии, о нежелании тратиться на себя, о сосредоточенности на чем-то ином.

Она оглядела зал испуганным взглядом косули, заметила мой кивок и поплыла ко мне, двигаясь неслышно, будто не касаясь пола. Ее движения выдавали человека, привыкшего к тишине: осторожная постановка ног, плечи напряжены. Когда она сняла плащ, под ним оказался простой серый кардиган поверх такой же серой блузы с маленькими, аккуратными пуговицами под горло – униформа скромного служащего. Ничего яркого, ничего лишнего. Даже часы на ее тонкой кисти были старыми, с потускневшим циферблатом и кожаным ремешком, потертым до белизны по краям.

Она села, положила сумочку из искусственной кожи на колени и обхватила ее обеими руками, чтобы они не тряслись. А тряслись они отменно – мелкой, частой дрожью, которую не могла остановить даже эта железная хватка. Ее пальцы были длинными, тонкими, с аккуратно подстриженными ногтями без лака, но с едва заметными пятнышками черной туши и следами старого клея – пальцы реставратора или архивиста.

– Спасибо, что… пришли, – ее голос был едва слышен даже в этой тишине, хрипловатый от волнения.

– Кофе заказать? – спросила я намеренно просто, по-бытовому.

– Нет-нет, я… я не буду. Спасибо.

Она сделала еще один глубокий, прерывистый вдох, и ее глаза за стеклами очков забегали, не находя точки, на которой можно было бы остановиться. В них читался не просто страх,

а какая-то растерянность, как если бы привычный, упорядоченный мир каталогов и картотек вдруг рухнул и все правила перестали действовать.

– Меня зовут Лариса Новикова. Я младший научный сотрудник отдела редких книг и рукописей в «Публичке». Тарасовской государственной публичной… – заученно начала было она.

– … библиотеки имени Гавриила Степановича Волошина, – того самого основателя Тарасова, чьи рукописи до сих пор будоражат умы местных историков, знаю это место, – я мягко перебила с полуулыбкой, давая ей понять, что она в безопасности. – Расскажите, что случилось. Своими словами.

Мое спокойствие, кажется, немного передалось ей. Она разжала пальцы на сумочке, поправила очки – механический, успокаивающий жест.

– Умер Леонид Петрович Вольский. Мой наставник. Главный реставратор. Его… его нашли позавчера вечером в его кабинете. В башне. За рабочим столом.

Она замолчала, глотая ком в горле. Глаза ее наполнились водой, но слезы не потекли, будто застыли там, под стеклами, увеличивая и без того огромные зрачки.

– Официально… врачи сказали: остановка сердца. Ему было семьдесят два. Все сказали – возраст, переутомление. Но… – ее голос окреп, в нем послышались нотки отчаянной убежденности, – это не так. За неделю до этого он был… другим. Он был одержим. Одной книгой.

– Книгой?

– «Сад симпатических знаков». Фолиант, XVII век, оккультный трактат. Он работал над ее реставрацией. Но в последние дни он не работал. Он ее… изучал. Шептал что-то про маргиналии, про пометки на полях. Твердил, что нашел «живую строчку в каталоге проклятых». Я не понимала, о чем он. А потом… потом он стал бояться. Вдруг. Такого я никогда не видела. Он, который не боялся ничего – ни начальства, ни бандитов в лихие девяностые… Он запирал дверь кабинета на ключ изнутри, ставил стул под ручку. Сказал мне: «Ларочка, будь осторожна. Он идет. Корректор».

Она выдохнула это слово с таким ужасом, что по моей спине пробежали мурашки. Не от мистики, а от полной, абсолютной искренности этого страха.

– Кто такой «Корректор»?

– Я не знаю! – она почти вскрикнула, затем оглянулась и снова понизила голос до шепота. – Я не знаю. Он не объяснил. Он только повторял: «Он исправляет ошибки. Стирает. Он уже здесь, среди нас». А потом… в день его смерти… – Лариса судорожно полезла в сумочку, вытащила старый кнопочный телефон, дрожащими пальцами стала листать сообщения. – Вот. Посмотрите.

Она протянула мне телефон. На экране было СМС от отправителя «Л. П. Вольский», доставленное в 18:03 в день его смерти. Текст был лаконичным и оттого еще более жутким: «Спрячь конверт из зеленой папки. Не смотри. Он уже здесь».

– Зеленая папка была в его рабочем столе, в нижнем ящике, – зашептала Лариса, придвигаясь ближе. Ее дыхание пахло мятной жевательной резинкой и чаем. – Я… я испугалась. После того, как его нашли, я зашла в кабинет, до того как его опечатали. Взяла папку. Там был один-единственный конверт, обычный, канцелярский. Я не смотрела, что внутри! Клянусь! Я сделала, как он просил. Спрятала. Но теперь… теперь я думаю, он знал, что умрет. И если «Корректор» ищет этот конверт… он придет за мной. Я следующая в этом… в этом каталоге.

Она замолчала, и в тишине кофейни стало слышно, как за окном воет ветер в трубе соседнего дома. Ее страх был осязаемым, почти материальным. Он не витал в воздухе, а сидел за столом между нами, как третий, невидимый собеседник. Я позволила паузе затянуться, давая ей и себе время ощутить его вес. Страх клиента – рабочий инструмент. По его граням и оттенкам можно многое понять. Этот был особенным: не острым, паническим, а хроническим, разъедающим, как червь в переплете.

Она снова схватилась за сумочку, и теперь ее трясло уже всю. В ее истории было слишком много книжной, почти готической мистики, чтобы она казалась правдой для следователя. Но детали складывались в идеальную мозаику испуганного человека. Слишком много конкретики: зеленая папка, СМС, описание поведения Вольского. Библиотекарь, даже в панике, остается архивариусом: он фиксирует факты. И ее факты ощущались истинными.

Мой скепсис растаял, как туман за окном под внезапным лучом солнца. Это не была выдумка истерички. Это было что-то настоящее. Грязное, опасное и очень, очень странное.

– Где конверт сейчас? – спросила я тихо.

– В безопасном месте. Я не скажу. Простите. Пока не скажу. Я… я должна быть уверена, что вы… – она не договорила, но смысл был ясен. Она не доверяла еще никому.

– Это разумно, – кивнула я. – Лариса, я берусь за ваше дело. Условия работы я озвучила по телефону, – сказала я уже более официальным тоном. – Вы уже согласились.

Ее лицо исказила гримаса то ли облегчения, то ли нового ужаса. Она кивнула, быстро, судорожно, и тут же, словно вспомнив о строгом протоколе, сунула дрожащую руку в глубину своей скромной сумочки. Пальцы ее, тонкие и беспомощные, нащупали там и извлекли простой канцелярский конверт из плотной серой бумаги, уже слегка помятый по краям. Она, не глядя, протянула его через стол, чуть не выронив от дрожи.

– Вот… предоплата. За два дня. Как договорились, – прошептала она, и в ее голосе послышалось что-то помимо страха – смирение, покорность правилам чужой игры, в которую ее втянули.

Я приняла конверт. Бумага была шершавой, холодной от уличного сырого воздуха. Он был не толстым, но плотным, тугим от аккуратно уложенных купюр. Я сжала его пальцами, ощущая упругость пачки. Небольшой, но весомый аванс против веса ее страха. Конверт был заклеен дешевым канцелярским клеем, и я не стала его вскрывать при ней – это было бы мелко и демонстративно, как проверка сдачи у уличного торговца. Вместо этого я просто кивнула, коротко и деловито, и убрала его во внутренний карман куртки, где он лег рядом со смартфоном, заняв свое законное место. Этот простой, почти ритуальный жест – передача денег, – словно поставил точку в наших предварительных договоренностях и щелчком перевел разговор в практическую плоскость. Финансовая сделка была заключена. Теперь ее страх, ее тайна и ее безопасность стали моей рабочей проблемой, подлежащей решению за определенную плату. Лариса, сделав над собой усилие, чтобы унять дрожь в руках, снова обхватила свою сумочку, словно ища в ней утерянную точку опоры.

– Первое, что мне нужно, – доступ к библиотеке. Как сотруднику, на законных основаниях. Можно как стажеру или помощнику.

Она на секунду задумалась, ее взгляд, скользнув по мне, словно оценивал, насколько я впишусь в библиотечную среду.

– Я… я могу вас провести как аспирантку из Покровского университета, заинтересовавшуюся нашей коллекцией. Нужно будет только согласовать с начальством… – она замялась, в ее глазах мелькнула новая тревога, более конкретная, связанная с иерархией и правилами.

– Кто ваш начальник сейчас, после смерти Вольского?

– Формально – Маргарита Степановна, главный хранитель. Но она… она очень строгая. И она не любила Леонида Петровича.

– Отлично, – сказала я, и моя улыбка, кажется, смутила Ларису еще больше. – Нам и нужны те, кто к нему относился неоднозначно. Хорошо. Договоримся об этом завтра. А сейчас мне нужны все детали: кто еще мог видеть Вольского в последние дни, кто имеет доступ к башне, любые детали и подробности, которые вы можете вспомнить.

Я достала диктофон и включила запись. Красная точка светодиода в полумраке кофейни выглядела как циферблат миниатюрного детектора лжи. Лариса посмотрела на нее, и ее взгляд

на секунду стал пустым, отрешенным – взгляд архивариуса, видящего перед собой лишь очередной носитель информации, подлежащий каталогизации.

– Расскажите о тех, с кем работал Вольский, – мягко направила я ее. – Кто его окружал в последние дни?

Глубокий вдох. Выдох. Она начала говорить, и ее голос преобразился. Дрожь почти ушла, сменившись ровной, монотонной интонацией человека, зачитывающего доклад. Она отгораживалась от собственного ужаса профессиональной ширмой. Это был хороший знак. Значит, где-то внутри у нее был стержень. Стержень, на котором можно было строить работу. Ее рассказ пошел более упорядоченно, хотя пальцы так и не перестали теребить край сумочки. Она говорила о коллегах: о молодом IT-специалисте, о пожилой женщине-палеографе, о заведующем отделом, который больше занимается отчетами, чем книгами. Каждое имя она сопровождала краткой, но меткой характеристикой, точно расставляя их по полочкам, как книги по инвентарным номерам. Это была ее стихия – каталогизация людей. И в этом потоке информации, среди имен и должностей, мелькнуло то, что заставило мое внутреннее чутье дрогнуть.

– …и, конечно, Герман Фогт. – Она произнесла это имя с легким, едва уловимым трепетом, в котором смешались брезгливость и страх. – Наш «благодетель». Крупный коллекционер, меценат. Благодаря его спонсорским вливаниям мы закупаем новое оборудование. Но это не благотворительность. Он покупает доступ.

– К каким фондам?

– Ко всем. К самым ценным. К тем, что не показывают даже серьезным исследователям. У него есть личное разрешение от дирекции, подписанное… В общем, у него есть доступ. И он этим пользуется. Требует выдать ему ту или иную рукопись, может часами сидеть с ней, делать какие-то пометки… Он не исследователь. Он стяжатель. Хочет не просто обладать книгой, а владеть ее тайной, ее историей. Он грубоват, напорист, считает, что деньги дают ему все права. – Лариса наклонилась ближе, и ее шепот стал едва слышным. – Он не просто грубый. Он… пропитывающий. После него в читальном зале остается ощущение, будто кто-то разлил дорогой, но удушливый одеколон, и разбросал пачки денег. Деньги – его аргумент, его щит и его единственный язык. Они с Леонидом Петровичем всегда говорили на разных языках и часто спорили. За неделю до смерти Леонид Петрович сказал мне после одной из их стычек: «Он хочет не читать, Ларочка. Он хочет владеть. А владеть можно только мертвым. Он своими деньгами пытается наложить вето на жизнь текста». Я тогда не поняла. Теперь… теперь боюсь, что поняла слишком хорошо.

Я все записала. Мы еще полчаса детализировали распорядок дня в библиотеке, графики дежурств, поговорили о системе видеонаблюдения (она, увы, была чисто символической и охватывала только вестибюль и гардероб). Я дала ей адрес «конспиративной» квартиры и объяснила, как добраться, если случится что-то экстренное.

Лариса, снова закутавшись в свой безразмерный плащ, словно в кокон, исчезла так же бесшумно, как и появилась, в серой пелене за дверью. Я осталась сидеть, дав бармену знак, что чашку можно не уносить. Холодный эспрессо был отвратителен, но я сделала еще один глоток, закрепляя в сознании горечь как сенсорный якорь к этому моменту. История обрастала плотью. Из дрожащего шепота в трубке материализовался конкретный мир со своей иерархией, конфликтами и яблоком раздора – той самой зеленой папкой. «Корректор»… Звучало как прозвище из старого детектива или псевдоним помешанного графомана. Но в устах Вольского, а теперь и Ларисы, это слово обретало вес. Не мистический, а вполне земной. Тот, кто правит текст. Кто вычеркивает. В библиотеке, этом храме фиксации и памяти, такая фигура была особенно зловещей. Моя работа всегда начиналась с вопросов. На этот раз главный вопрос уже был задан, причем самим погибшим: «Кто такой Корректор?» А ответ, как водится, лежал в деталях, которые предстояло собрать воедино, как рассыпанную мозаику. Убийство, замаски-

рованное под инфаркт? Возможно. Во всяком случае, смерть человека, который боялся некоего «Корректора», заслуживала внимания.

Я вытащила из внутреннего кармана кости. Мне нужен был знак, вектор, куда копать в первую очередь в этом книжном хаосе. Я встряхнула ладонь и выбросила кости на деревянную столешницу. Они подпрыгнули и замерли.

4… 20… 25.

Я тихо рассмеялась. «В принципе, нет ничего невозможного для человека с интеллектом». Идеально. Прямо как девиз для расследования, полного тайн и намеков.

Я собрала кости в карман и достала телефон. Нашла в списке контактов номер с пометкой «Киря».

Он ответил на третьем гудке, голос сонный, но настороженный – он знал, что звонки от меня редко сулят спокойный день.

– Але?

– Киря, привет, – сказала я, наблюдая, как за окном редкие прохожие растворяются в тумане. – Это Иванова. Будильник для тебя.

На том конце провода послышалось кряхтение и шорох – он, видимо, садился на кровать.

– Опять? Тань, у меня смена через два часа…

– Выспишься на пенсии. Слушай сюда. Смерть в «Публичке», реставратор Вольский. Официально – инфаркт.

Я выдержала паузу, давая ему проснуться и оценить значимость места.

– Так, – его голос моментально прочистился, стал собранным, служебным. – Я слышал. Что там?

– А вот «что» я и хочу узнать. Мне кажется, инфаркт там был с посторонней помощью. Нужно все, что есть: предсмертное состояние, кто нашел, что было на столе, камеры, если есть… Все, что можно стянуть без «штампиков». Особенно интересуют любые странности. И покопай, если сможешь, про прошлое самого Вольского.

Кирьянов тяжело вздохнул. Я представила, как он потирает переносицу, глядя на спящую жену и думая о предстоящем разговоре с участковым, который вел это дело.

– Татьяна Александровна, свет очей моих… – начал он устало.

– Триста баксов в твой отпускной фонд, – без зазрения совести подкупила я. – И моя вечная признательность.

– Вечную признательность оставь себе, а триста – это уже ближе к истине, – проворчал он. – Ладно. Без штампиков, значит, без штампиков. Но если меня прижмут…

– Скажешь, что я тебе угрожала своим черным поясом. Через пару часов жду инфу.

– Через три. И… будь осторожна. «Публичка» – тихое болото. Тихие болота, как правило, самые глубокие, а тонут в них медленно.

Он положил трубку. Я убрала телефон и достала из кармана конверт, нащупала уголок и аккуратно вскрыла его под столом. Внутри лежала аккуратная пачка старых, но хрустящих купюр. Предоплата. Я пересчитала их на ощупь, не вынимая, привычным движением. Все верно. Достав одну купюру, я оставила ее на столе под чашкой – щедрая плата за посредственный кофе и отличную тишину. Остальные вернула в карман куртки.

Выходя на улицу, я снова вдохнула этот мерзкий, сырой ноябрь. Но теперь он не был просто фоном. Он был средой обитания для истории, которую мне предстояло раскапывать. Туман по-прежнему висел плотной завесой, но теперь он казался мне не просто погодным явлением, а метафорой. Мне предстояло разгребать его, страницу за страницей, строчку за строчкой, пока в этом белесом молоке не проступят четкие, недвусмысленные и, вероятно, уродливые контуры правды. Контуры «Корректора». И первым шагом будет вовсе не библиотека, а сухая полицейская сводка, которую выудит для меня Кирьянов. Иногда, чтобы понять будущее, нужно сна-

чала правильно прочитать прошлое. А чтобы поймать того, кто правит текст, нужно сначала увидеть, какую именно строчку он вычеркнул.

Глава 2
Перформанс в башне

Ночь не рассеяла ноябрьский туман, а лишь уплотнила его до состояния мокрой ваты, смешав с первым, едва уловимым запахом приближающегося снега – холодным, чистым, почти металлическим обещанием зимы. Утро в Тарасове началось с тишины особого рода – звукоизолирующей, давящей, когда кажется, что весь город погружен в ватный кокон, а собственное сердцебиение звучит неприлично громко. Я проснулась в своей обычной квартире не от света, которого не было, а от назойливого, пилящего писка смартфона, разрывающего этот белый шум. На экране горело имя «Лариса Новикова». Время – без двадцати восемь. Слишком рано для приятных новостей, идеально – для паники.

– Алло, – спросонья мой голос прозвучал хрипло. Я еще не успела сварить кофе, а день уже требовал немедленного включения, перехода в режим боевой готовности.

– Это я… – ее шепот был таким же дрожащим, как и вчера, но в нем появилась нотка срочности, граничащая с отчаянием. – Я… я не спала. Всю ночь думала. Насчет того, как вас представить… Аспирантка… это не сработает. Совсем.

– Почему? – я присела на край кровати, уже полностью проснувшись, кожей ощущая ледяную сырость за окном.

– Маргарита Степановна вернулась из командировки. И она… – Лариса сделала паузу, будто боялась, что имя само по себе обладает силой сглаза, – она терпеть не может студентов и аспирантов. Считает их варварами с грязными руками и пустыми головами, способными только навредить. Она никогда, слышите, никогда не разрешит постороннему аспиранту свободный доступ, даже если это учащийся Покровского университета. Только под своим личным, неусыпным, дотошным надзором. А это значит, вы не сможете… осмотреться. Ни на секунду.

В ее голосе звучала не просто логика, а горькая, выстраданная за бессонную ночь истина, продиктованная знанием местных нравов. Она была на сто процентов права. Легенда должна давать свободу маневра, быть щитом и ключом, а не приковывать к бдительному тюремщику.

– Хорошая мысль. Что ты предлагаешь? – спросила я, уже мысленно перебирая варианты.

– Вы… вы могли бы быть журналисткой. Из Москвы. Пишете большой, серьезный материал о провинциальных библиотеках как «последних хранилищах живой памяти». Это… это льстит, это звучит солидно, и… – ее голос чуть окреп, – у журналистов больше прав. Они могут задавать неудобные вопросы, могут проситься в закрытые фонды «для колорита», им могут показать то, что скрывают от исследователей… ради красивой фразы в статье.

В ее тоне сквозил горький, циничный опыт общения с прессой, которая приходит за сенсацией, а не за правдой. Но план был по-своему гениален. Журналист – идеальный камуфляж. Можно быть навязчивой, можно делать вид, что ничего не понимаешь в тонкостях, можно «случайно» заглянуть не туда, можно ошибаться – и все это спишется на творческий поиск и «читательский интерес».

– Отлично, – одобрила я, чувствуя, как в голове уже складывается детальный образ. – Легенда, как и хороший кофе, должна быть крепкой, простой и не вызывать лишних вопросов. Так и будет. Журналистка-фрилансер, пишущая большой очерк о «сокровищах и хранителях» для солидного столичного портала. Придумай название. Что-нибудь неброское, но умное.

– «Культурный слой»? – неуверенно предположила она после паузы.

– Сойдет. Звучит академично, но не заумно. Я подготовлю визитку. Встречаемся в десять у служебного входа на Дзержинского? Ты будешь моим официальным гидом от пресс-службы.

– Да. Я… я все устрою. Постараюсь.

Она положила трубку, а я отправилась варить кофе, который должен был стать не просто напитком, а топливом для сегодняшнего многоактного спектакля. Пока закипала вода в медной турке, я за пару минут набросала на компьютере и распечатала на плотном глянцевом картоне визитку: «Татьяна Иволгина. Спецкор. Интернет-издание „Культурный слой“. Москва – Тарасов». Безлико, солидно, проверить в течение дня практически невозможно. Визитка, диктофон и блокнот в кожаном переплете – святая троица любого современного пишущего человека, мой пропуск в закрытые миры.

Одеваясь, я выбирала не строгий «библиотечный» комплект, а нечто слегка творческое, но не вычурное: темные узкие брюки, черный тонкий свитер из кашемира, длинный шерстяной кардиган глубокого серого цвета и шарф с этническим геометрическим узором – единственная деталь, которая должна была намекать на «творческую натуру» и отпугнуть излишние расспросы о моде. У зеркала я закончила образ: светлые волосы убрала в высокий, нарочито небрежный хвост, выпустив пару прядей по бокам, чтобы смягчить строгость и добавить легкой «растрепанности гения». Макияж – минимальный, но чуть ярче вчерашнего: тонкая подводка подчеркнула разрез глаз, придав взгляду чуть больше остроты, на губы – нейтральный блеск с легким перламутром. Финальным, решающим штрихом стали очки в тонкой черной металлической оправе с линзами без диоптрий. Они не только завершали образ думающей, немного отстраненной столичной гостьи, но и давали бесценную тактическую возможность: за стеклом было легче спрятать слишком внимательный, аналитический, изучающий взгляд, превратив его в просто задумчивый. Нужно было выглядеть так, чтобы в меня поверили как в человека со вкусом, с легким налетом интеллектуального снобизма и профессиональной дистанцией – в того, кто пишет о вас, но не для вас.

Затем я накинула сверху длинный черный кожаный плащ, который скрыл кардиган и придал силуэту стремительность и некую драматичность, надела короткие, удобные сапоги на низком широком каблуке, способные выдержать долгую ходьбу по каменным полам. Из прихожей захватила свою постоянную спутницу – объемную мягкую сумку через плечо из темной кожи, где в идеальном, проверенном порядке соседствовали ноутбук в тонком чехле, блокнот, два диктофона (основной и запасной), пачка свежих визиток и, конечно, черная деревянная коробочка с костями, лежавшая в потайном внутреннем отделении. Полный, безупречный комплект журналиста-фрилансера, готового к любым неожиданностям и долгим ожиданиям.

Я вышла, щелкнув замком, и тут же попала под порыв ледяного, режущего ветра, который гулял по пустынному утреннему двору, гоняя по асфальту жухлую листву и обрывки газет. Туман начал редеть, гонимый этим резким, колючим напором с реки, но не исчезал, а рвался на клочья, обнажая уродливые фасады спальных районов. Ветер гнал по небу рваные, пепельно-свинцовые тучи и вымешивал тяжелую взвесь в воздухе, превращая ее в редкую, колкую крупу – еще не снег, но уже его неумолимое предвестие. Мир стал резче, контрастнее, угловатее, но от этого не менее зябким и неприветливым. Похоже, зима решила вступить в свои права именно сегодня, выбрав для моего маленького спектакля идеальные, мрачные декорации.

Лариса ждала меня у служебного входа, закутанная в тот же безразмерный плащ болотного цвета, в котором, казалось, можно было бы спрятать целую библиотечную полку. Она нервно переминалась с ноги на ногу, теребя края шарфа. Увидев меня, она скользнула взглядом по моему образу, от сапог до небрежного хвоста, и я заметила в ее глазах слабый, но важный проблеск одобрения и облегчения: я выглядела «правильно». Я вписывалась в ее рискованный план.

– Все готово, – прошептала она, оглядываясь через плечо с привычной ей опаской. – И… Маргариты Степановны не будет. С утра ее экстренно вызвали на совещание в мэрию по поводу финансирования. Я специально уточнила у секретаря. Мы будем… почти одни. Кроме дежурных, конечно, и нескольких утренних читателей-старожилов. Но они в своих углах, их не интересует ничего, кроме своих книг. Никто не станет приставать с расспросами или мешать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.